

А.А. Сысоев, Д.Б. Кавецкий

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ЛИЧНУЮ И ИМУЩЕСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СИБИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассмотрена деятельность центральных и местных властей России по организации ссылки на территории Сибири с XVIII в. по 1917 г. Отражены вопросы отношений ссыльнопоселенцев с местным населением и отрицательного влияния уголовных ссыльнопоселенцев на жизнедеятельность региона.

Ключевые слова: ссылка, Россия, Сибирь, Иркутск, преступность, уголовные преступники, население, монархия.

A.A. Sysoyev, D.B. Kavetsky

PENITENTIARY POLICY OF THE AUTOCRACY AND ITS IMPACT ON PERSONAL AND PROPERTY SECURITY OF THE SIBERIAN POPULATION

The article considers the activity of the Central and local authorities of Russia on the organization of exiles' activities in the territory of Siberia from the XVIII century to 1917.

The article shows the organization of the exile in Siberia, the relations of exiles with the local population and the negative impact of criminal exiles on the life of the region.

Keywords: exile, Russia, Siberia, Irkutsk, crime, criminals, population, monarchy.

Во многом всеобъемлющее воздействие на сибирскую действительность оказала массовая высылка к восточным окраинам Российской империи уголовных преступников. Используемая самодержавием, как способ колонизации обширного и богатого края, ссылка, по образному выражению очевидца событий В. Серошевского, «проделала в Сибири громадный карательно-исправительный опыт, стоящий миллионы денег, реки слез и море крови» [29].

Практика ссылки имела достаточно быстрое и многоплановое развитие. В XVII в. сформировалось несколько ее видов – ссылка в службу (для неугодных царедворцев, а также казаков, стрельцов и военнопленных), ссылка в посад или на пашню (для крестьян, посадских холопов и гулящих людей), ссылка в заключение (для преступников).

Со временем расширялась и область преступлений, наказываемых ссылкой в Сибирь. Первоначально в ссылку отправляли только «государственных» или «политических» преступников, участников восстаний и антиправительственных заговоров, изменников, шпионов, самозванцев, критиков правительственного курса, военнопленных.

В XVII в. во времена царствования Алексея Михайловича были изданы указы, заменявшие смертную казнь как для разбойников, так и для «денежного дела воров и мастеров». Для первых – «отсечением перста левой руки и ссылкой в сибирские города с женами и детьми», для вторых – «ссыл[кой] в Сибирь на вечное житье... на пашню» [21].

К 1753 г. на вечную каторгу стали приговариваться все те, кто подлежал смертной казни по ранее действовавшим законам [22]. В 1762 г. право отдавать своих крепостных «в губернскую канцелярию для отправления в Сибирь» получили лица и учреждения, владевшие крестьянами [23]. В 1812 г. был издан указ, согласно которому ссылке подлежали все «дурного поведения мещане и государственные крестьяне, негодные к военной службе» [24].

Поэтому, если в начале своей истории ссылка являлась главным образом, по выражению авторов XIX в., «как бы сверхурочным приложением к политическим взысканиям», то уже в XVIII в. ситуация принципиально меняется и заметное место среди ссыльных начинают занимать уголовные преступники – воры, «тати», разбойники и прочие «неблагонадежные элементы». Через столетие они являлись уже подавляющим большинством, представляя в XIX в., по данным Н.М. Ядринцева, не менее 98 % всех высланных в сибирские территории [39]. Неслучайно гласные Иркутской городской Думы заявляли о том, что «Сибирь являлась для Российского государства каналом, в который спускались всякие нечистоты в виде каторжников и ссыльных» [27].

С течением времени обострение криминогенной обстановки на восточных окраинах империи вынудило царское правительство трансформировать практику сибирской ссылки. Законом «Об отмене и ограничении ссылки в Сибирь» от 10 июня 1900 г. были запрещены некоторые виды административной ссылки и ссылка на житье в сибирские губернии [31].

Тем не менее, по-прежнему действовала ссылка на поселение (ссылка после отбытия срока каторжных работ. – *авт.*), а практика применения ссылки на каторгу получила дальнейшее развитие, так как ею заменили более легкие наказания.

Кроме того, в соответствии с положением Совета министров «О назначении местностей для водворения бродяг», начиная с 1914 г. на территорию Енисейской и Иркутской губерний стали высылаться лица без определенного места жительства и занятий [38]. В результате вплоть до 1917 г. Сибирь и особенно ее восточная часть непрерывно и в постоянно увеличивавшихся масштабах пополнялась отнюдь не лучшими представителями российского общества.

Невозможно определить точное количество сосланных в Сибирь на протяжении XVII – первой половины XIX вв., так как, по сведениям начальника Главного тюремного управления Министерства внутренних дел Российской империи А.П. Соломона, «до 1823 г. име[лись] только отрывочные сведения и лишь начиная с 1824 г. удалось собрать сведения о ежегодном поступлении ссыльных» [32]. Известно только, что если применительно к

XVII в. речь можно вести о тысячах, то к XVIII в. – о десятках тысяч, а к XIX в. – о сотнях тысяч людей.

Не менее 1 500 чел. было сослано в Сибирь с 1593 по 1645 г., согласно подсчетам историка П.Н. Бущинского [4]. Около 10 175 ссыльных получила Сибирь, по сведениям Е.Н. Анучина, за период с 1807 по 1812 г. [2]. Более 95 532 чел. находилось в сибирской ссылке к 1833 г. и не менее 298 577 чел. к 1898 г., по официальным сведениям почти одинаково распределяясь между Восточной (47, 69 %) и Западной (52,31 %) Сибирью [2].

Отдаленность Восточной Сибири от центральных районов страны способствовала тому, что незначительно (4,62 %) уступая Западной Сибири в цифрах абсолютных, Восточная Сибирь заметно превосходила ее в цифрах относительных. Если в Тобольской и Томской губерниях на каждую 1000 местных жителей приходилось по 74 и 64 ссыльных, соответственно, то в восточносибирских – 91 и 142, т.е. в 1,5–2 раза больше [16].

Особенно много ссыльных по сравнению с другими территориями Восточной Сибири направлялось в Иркутскую губернию (71 800 чел.), несколько меньше – в Енисейскую губернию (51 019 чел.), значительно меньше – в Забайкальскую и Якутскую области (14395 и 5 172 чел., соответственно) [3].

К концу XIX в. темпы «штрафной колонизации» Восточной Сибири заметно опередили темпы ежемесячного прироста ее коренного населения. Если, например, в Иркутской губернии на протяжении 1880–1885 гг. появилось 18 610 младенцев, то ссыльных – 21 698 чел., т.е. на 3 088 чел. больше [33].

Достаточно быстро ссыльные оказались неотъемлемой частью сибирского общества, представляя 46,08 % мужского населения Иркутской губернии [34]. Практически повсеместно они интегрировались в него, формируя состав местных жителей. Легальная интеграция происходила благодаря тому, что ссылка в Сибирь являлась, как правило, пожизненной. Ее сроки до второй половины XIX в. даже не оговаривались. Только каторга как особо тяжелый вид ссылки получила с 1822 г. ограничение (не более 20 лет). Тем не менее, отбыв каторгу, каторжник выходил на пожизненное поселение там, где ему указывали власти. Исключение по срокам ссылки имелось только для «государственных преступников» из высших слоев дворянства.

Нелегальная интеграция развивалась путем широко распространенного бегства ссыльных из-под стражи. Из-за нехватки средств и крайне слабой организации конвоирования ссыльных отличалось чрезвычайной ненадежностью. В условиях неразвитости транспортных систем оно обеспечивалось сельскими обывателями, выполнявшими арестантско-этапную повинность [36]. Однако, стремясь избежать отвлечения наиболее трудоспособной части крестьянской общины от сельскохозяйственных работ, сельские общества нередко назначали конвоирами женщин, стариков и даже детей. Причем такие конвоиры, как правило, не имели при себе никакого оружия, а по своей численности заметно уступали этапирваемым [5]. В

результате перед ссыльными открывались возможности для побега, которыми они активно пользовались.

Подчас для того, чтобы убежать, арестанту требовалось лишь, не привлекая внимания конвоиров, отойти в сторону или, как это случилось с ссыльнопоселенцем Демидом Марущенко, дожидаться очередного привала и ночью покинуть этапное помещение.

Обстоятельства побега Марущенко интересны тем, что, как следовало из показаний его конвоиров, «Марущенко, когда партия прибыла в с. Усть-Орда и расположилась на ночлег в доме инородца Татаринова, попросил Бурбона Мангилаева (сельского стражника. – *авт.*) проводить его на двор. Когда они вышли Марущенко камнем ударил Мангилаева в голову, так, что тот чуть не свалился. Кровь залила ему лицо, и в это время Марущенко скрылся, перескочив через забор».

Однако сам обвиняемый в побеге отрицал насильственный характер своего преступления. Со слов Марущенко, «ушел он потому, что все караульные были пьяны». В качестве доказательства невиновности в насилии над стражником беглый ссыльнопоселенец продемонстрировал суду свои физические увечья. У Марущенко отсутствовала правая рука, плохо действовала левая. Видел он лишь правым глазом и то с трудом. Врач, проводивший освидетельствование Марущенко заявил, что «подсудимый требовал бы даже за собой ухода, настолько он искалечен» [35].

Описываемые события показывают, что скрыться от сельской стражи имели возможность даже старики и инвалиды. Тем более могли это сделать физически здоровые преступники, причем как и в более ранние времена, так и в начале XX в., что признавали и сами правоохранители. В частности, «на совершенное почти отсутствие сколько-нибудь благоустроенных и гарантирующих безопасность от побегов арестантских помещений при волостных и сельских управлениях» указывали в 1910 г. чиновники Иркутской судебной палаты [6].

Не намного лучшей была ситуация и в тех случаях, когда этапирование ссыльных обеспечивалось не сельскими стражниками, а конвоирами. Например, Е.Н. Анучин сделал вывод о том, что «при ограниченных средствах, которыми располагала администрация в XVIII–XIX столетиях, ни препровождение ссыльных в Сибирь, ни само устройство их на месте не могли отличаться особым порядком. Толпу колодников отправляли обыкновенно из какой-нибудь губернской канцелярии в сопровождении немногих и притом плохо вооруженных конвоиров. Арестанты нередко разбегались по дороге и составляли целые разбойничьи шайки» [2].

О «бесперывных побегах ссыльных» докладывал столичному начальству в 1833 г. генерал-губернатор Восточной Сибири тайный советник А. С. Лавинский. По данным А.П. Соломона, «в Енисейской губернии с 1828 по 1833 г. было в бегах с Каменского винокуренного завода, где всех рабочих 285 – 259 чел., а с Троицкого солеваренного 290 чел. из 680» [32]. От 25 до 53,5 % рабочих, как установил Н.М. Ядринцев, бежало с Иркутского солеваренного завода в 1860–1870 гг.

В среднем же, по подсчетам Д. Дриля, «каждые десять лет со всех заводов бежало более 12 929 чел» [12]. В «безвестной отлучке» к 1898 г. числилось не менее 32 % (45 610 чел.) ссыльных, перемещенных тогда на территорию Восточной Сибири. Причем особенно много их было в Иркутской губернии – 29 403 чел.: на 17 847 больше по сравнению с Енисейской губернией, на 26 029 чел. – с Читинской областью и на 28 126 чел. – с Якутской областью [13].

Сложившееся положение дел не изменилось и в начале XX в. Отчеты военных губернаторов Восточной Сибири, датированные первым его десятилетием, сообщают о том, что «случаи побегов арестантов на дорожных трактах чрезвычайно часты и носят характер явления хронического, как бы даже обязательного ...не проходит ни одного случая пересылки арестантов, без того, чтобы некоторая часть их не бежала» [10].

Эти сведения подтверждаются и данными Главного тюремного управления Министерства внутренних дел Российской империи, согласно которым «из числа арестантов, препровождавшихся в отчетном (1903 г. – *авт.*) году по неэтапным трактам сельскою полицейскою стражею, бежало 1 524 чел., в том числе 827 ч. – из арестных, этапных и других помещений и 647 ч. – в пути следования. 1 136 побегов произошли вследствие небрежности стражи или слабого надзора и только 177 побегов сопровождалась насилием над стражею или подкопами и проломами в арестантских помещениях» [20].

Особенно привлекала к себе беглецов губернская столица. Во-первых, потому, что, как указывали представители местной власти, «Иркутск является центром по отношению расположения мест заключения и ссылок, а также ближайшим центром по местам избрания жительства ссыльнопоселенцами, отбывающими каторгу, и лицами лишенными права жительства в губернских городах, отбывшими надзор по суду, а также бежавшими с Нерчинской каторги (а это пять каторжных тюрем), Александровской центральной каторжной тюрьмы, с построек железных дорог (Кругобайкальской и Амурской)» [7].

Во-вторых, как отмечал известный публицист XIX столетия С. Максимов, «в Иркутске имелись наиболее благоприятные возможности для обзаведения поддельными документами, успешного поиска временного заработка и пропитания». Именно здесь беглецы могли сделать необходимую остановку на трудном пути в европейскую часть страны. По наблюдениям С. Максимова, «в окрестностях города Иркутска у них (беглых каторжан. – *авт.*) находи[лась] как бы первая станция с продолжительным отдыхом ...здесь они набира[лись] и новыми силами, и новыми сведениями, и паспортами, а смелыми и развязанными становились настолько, что даже пошалива[ли]» [17].

Активная и широкомасштабная интеграция ссыльных в сибирское общество существенно меняла его характеристики, причем, отнюдь не в лучшую сторону. В результате их появления на территории Иркутской губернии она (по оценкам наблюдателей уже к концу XVIII в.) наполнилась негодьями и нищими [1].

Ситуация начала XX в. красноречиво характеризуется отчетами уездных исправников, которые сообщали: «Большую часть жителей уезда составляют ссыльные элементы, потомки ссыльных и разные подонки общества, высланные как вредные элементы из Европейской России. Население это по большей части уже с малых лет занимается исключительно темными делами» [8].

Большое количество ссыльных прочно обосновалось и в губернском центре – Иркутске. При этом некоторые из них стали людьми весьма богатыми, а, следовательно, и «уважаемыми», т.е. влиятельными, отнюдь не порвав со своим прошлым, о чем убедительно свидетельствуют отчеты полицейских чиновников. В частности, начальник Иркутского сыскного отделения Н. А. Романов в 1914 г. сообщал своему руководству, что «большой процент населения [Иркутска] является элементом ссыльным, старожилы из которых, составившие себе состояние путем большей частью преступным, как обладатели средств, представляя из себя как бы командующий слой населения ...остальную часть населения большую по процентному отношению к численности города составляет элемент переменный, случайный пришлый и ссыльный» [14].

Явная угроза безопасности сибирского общества, исходившая от появившихся в нем ссыльных, обусловила попытки добиться их позитивной жизнедеятельности путем соответствующего обустройства на местах, предпринимаемые властями. Одна из них, по утверждению Д. Дриля, была предпринята на основании сенатского указа 1799 г. «О населении Сибирского края». Тогда на протяжении 1800–1812 гг. в Сибирь отправили около 25 тыс. поселенцев мужского пола, значительная часть которых шла в Прибайкалье.

В 1829 г., по мнению Д. Дриля, предприняли наиболее грандиозную попытку устройства казенных поселений, намереваясь «через усредоточенный надзор и занятия в хлебопашестве удерживать преступников от праздности и побегов». На обустройство 68 358 ссыльных правительство страны выделило 500 тыс. руб. Однако, по свидетельству современников, «поселенцы, едва только водворившись, побросали свои дома и устремились к бродяжничеству и преступлениям» [12].

Тем не менее вскоре после этого устройством колоний для ссыльных занялся Иркутский губернатор Н. И. Трескин. Труд в них, по утверждению сведущих людей, «был обязательным, жизнь точно регламентирована и подчинена строгим правилам, [но] ссыльные [продолжали] сохраня[ть] свои особенности, очень скоро [среди них] развилась полная деморализация: колонисты совершали многочисленные преступления разбоя» [12].

Без должного эффекта оставались и попытки правительства «закрепить» ссыльных на сибирской земле брачными узами. По сведениям историка XIX в. Г. Фельдмана, невыполнимым оказался «оригинальный план правительства размещать ссыльных женщин по Иртышским крепостям с разрешением, если кто тех женок и девок пожелает взять в замужество, то позволять это». Но «дозволять только оседлым крестьянам». Из-за «крайней распущенности женок и девок оседлое население тщательно избегало их» [37].

Жизнедеятельность ссыльных обуславливалась мировоззрением, сформированным на основе негативного опыта. Криминальное прошлое большинства из них решающим образом детерминировало текущую повседневность. «На приисках и заводах, после тяжелых дневных работ, предоставленные сами себе арестанты в казармах жили пьяно, распутно, часто затевали кровавые драки, страшно воровали», – вспоминали очевидцы событий.

В то же время окружавшие заводы и фабрики слободки, населенные выпущенными на пропитание арестантами, «представляли собою в полном смысле слова вертепы и притоны пьянства, разгула, разврата и преступления. В них сходилось самое испорченное отребье общества, формировались преступные сообщества и шайки» [12].

Вместе с тем, как отмечали современники, «половина поселенцев не оста[валась] на своих местах причисления, а из них половина превра[щалась] в бродяг, которые вследствие всего своего прошлого и непрерывного передвижения по тюрьмам и этапам, лишены почти всяких признаков нравственности и способны [были] на всякие преступления» [12]. Избавление от опеки властей не уменьшало, а напротив, усиливало стремление бывших арестантов к «лихому промыслу».

Тщетность усилий по исправлению ссыльных путем улучшения их быта явно способствовала формированию крайне негативного к ним отношения со стороны властей и населения. По сведениям Н. Ядринцева, «масса беглых убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лесам... их просто стреляли как зверя». Таким образом, полагал ученый, во второй половине XIX в погибало до 2/3 беглых [39].

Другой исследователь уголовной ссылки В. Серошевский рассказывал, что однажды сам стал невольным свидетелем того, что «в 1886 г. в Менгельском улусе Якутского округа была перебита якутами вся семья воров, татар, состоящая из четырех человек взрослых и троих детей».

Не меньшей жестокостью отличался и сам процесс ссылки. «Еще в пути, – вспоминали люди, прошедшие сибирскую ссылку, – плохо одетые и плохо питаемые арестанты сильно болели... зимою и осенью отмораживали члены, простужались, схватывали острый ревматизм и лихорадку» [29].

Нередко, как отмечали царские чиновники, ссыльных отправляли «прежде, нежели приведено было в известность где, и как, и чем селить», а на местах обнаруживались «крупнейшие злоупотребления и большие неправильности в расселении колонистов» [12].

Кроме того, как утверждал М.М. Сперанский, «отправление ссыльных из внутренних губерний производи[лось] с излишней жестокостью... о многих из них в Сибири по утрате в пути бумаг, или по не доставлению их, не известно ни рода преступления, ни наказания... стража, их провожающая, состо[яла] из нестройной толпы башкир и мещеряков, людей развратнейших, нежели колодники... самое распределение их по селениям производи[лось] по правилам недостаточным и противоречащим, и умножа[ло] только число тунеядцев» [18].

Не выдерживали никакой критики и места содержания ссыльных. «Этапы (места отдыха для ссыльных партий. – *авт.*), пересыльные и прочего рода тюрьмы, за самым малым исключением представляют из себя разрушающиеся здания, с плохими санитарными условиями», – сообщалось в отчете за 1880–1881 гг. генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина [28].

Более красноречиво о местах содержания арестантов рассказывали сами ссыльные: «Угарные и вместе с тем холодные, сырые, промозглые, с вонючим воздухом смрада человеческих тел, часто заживо разлагающихся от сифилиса, цинги, специфичных тюремных язв и нарывов... полуэтапы представляли какое-то подобие ада», – вспоминал В. Серошевский, испытавший на собственном опыте все тяготы и лишения сибирской ссылки [29].

Будучи жестоко отвергнутыми законопослушным населением, ссыльные не менее жестоко ему мстили. А сибирское «приволие, леса дремучие, значительные расстояния между селениями и другие благоприятные условия соблазняли их (привыкших к преступлениям) на возобновление преступной деятельности, за которую они попали сюда». Так считали представители «образованной» части местного общества [25].

По сведениям Главного тюремного управления Российской империи, 15 из 100 ссылаемых в Восточную Сибирь преступников совершали преступления повторно, уже прибыв на место своего водворения [32].

«Оказавшись на свободе, – сообщал прокурор Иркутской судебной палаты, – [они] продолжали свою прежнюю преступную деятельность с тем большей энергией, чем очевидней оказалась для каждого из них на практике легкость совершения в случае заарестования, нового побега и достижения таким путем безнаказанности вооруженных преступлений» [9].

Между тем присутствие на территории края значительного числа профессиональных преступников, зачастую неподконтрольных местным властям, приводило не только к увеличению числа уголовных преступлений, но и к изменению их характера и направленности. С течением времени все больший удельный вес получали такие тяжкие виды противоправных деяний, как убийства. В связи с чем обращает на себя внимание ситуация, сложившаяся к 1873 г. в Енисейской губернии, где из 1 545 возбужденных в течение года уголовных дел, 4,6 % составили грабежи, 23,3 % – воровство и мошенничества и 72 % – смертоубийства [40].

«Можно утверждать», – писал по этому поводу Д. Дриль, – что преимущественно ссыльные поставляют главных виновников, зачинщиков и вообще коноводов преступлений. Поджоги, грабежи, разбои, убийства, иногда целых семей, изнасилования по дорогам женщин и даже девочек представляют собою по большей части дело ссыльных» [12].

Уже в XVIII в. преступные действия отличались не только крайней жестокостью, но и организованностью. Так по сообщениям иркутских летописей, «в феврале 1799 г. с Тельминской фабрики убежало 12 человек ссыльных, которые затем ворвались в дом крестьянина Емельяна Быкова, убили его и перерезали все его семейство». Особенно прославился тогда

бывший офицер Баратоев, занявший со своей шайкой город Жиганск. Впоследствии он был настигнут воинской командой в устье реки Лены и убит [19].

К началу XIX в. положение дел ухудшилось настолько, что даже в столице Восточной Сибири – Иркутске не было, по свидетельству современников, «ни малейшей безопасности» от воров, грабителей и убийц, которые имели в городе «первое и надежное гнездилище» [11].

Еще сильнее обострилась криминогенная ситуация ко второй половине XIX в. Ранее обычными являлись, как тогда писали, «одинарные» убийства, теперь таковыми становились групповые. Жертвами преступников оказывались целые семьи. Не щадили в том числе и детей.

Так, по сообщениям Н.С. Романова, «25 декабря 1867 г. город [был] взволнован убийством семейства Липшиц, состоящего из отставного солдата Файнши Липшица его жены Шейнарины, 25 лет и дочери Эстер, 6 лет... [преступление было] совершено топором, и трупы убитых страшно изуродованы. Часть вещей оказалась разграбленною» [26].

Неудивительно поэтому, что Иркутская губерния стала местом, где на душу населения совершалось наибольшее количество преступлений по сравнению со всеми другими районами страны, в том числе и Сибири. В частности, если в среднем по России к 1899 г. одно преступление приходилось на 438 чел., то в Иркутской губернии на 30.

О том, «что преступность в Сибири превосходит все другие местности; что здесь крупные и самые тяжелые преступления... что усиление преступности в Сибири год от году возникает в неизмеримо быстрой прогрессии», сообщал своим читателям и Н.М. Ядринцев [40].

Однако жестокая месть ссыльных законопослушному населению состояла не только в совершении разнообразных преступлений, но и в крайне негативном воздействии на него путем распространения пьянства, криминальных стереотипов поведения и венерических заболеваний.

Отечественный исследователь Д. Дриль подчеркивал это в своих работах. В частности, он писал: «Загнанные и озлобленные ссыльные, во множестве собираемые и скученные со всех концов России, оказывают самое развращающее влияние на местное население, портят его характер и развивают в последних многие неблагоприятные черты». «Ссыльные, – утверждал он, – составляли истинный бич общества; своею испорченностью, склонностью к праздности, пьянству и разным преступлениям они вносили порчу и в семейства старожилов, развращали молодое поколение и словом и делом увлекая его во все пороки» [12].

«Сифилис, – признавали современники, – приносимый ссыльными партиями натурализовался в крае и есть целые деревни им зараженные, и целые поколения от него вымершие».

Рекордным был для всей Российской империи ежегодный объем реализации спиртного в Иркутской губернии – 4,7 ведра водки на одного человека [30]. Нередко даже престольные праздники становились вакханалией темных начал человеческой природы. Типичными в связи с этим

являлись события, происходившие в деревне Зуй, расположенной в двадцати верстах от губернского центра. Как писали корреспонденты сибирских газет, «первый день [крестьяне] ходили по селу с иконой, молились, принимали притч со крестом. На следующий день вина пили больше и отчаянно били друг другу стекла в окнах. В тот же день кого-то пырнули... Ночью стреляли из ружей. На третий день праздник достиг своего апогея: по улицам нельзя было пройти, и женщины вынуждены были отсиживаться в избах» [15].

Страдало и коренное сибирское население. После того как в 1897 г. Иркутский губернатор И.П. Моллериус, по выражению А.П. Соломон, «исходатайствовал разрешение приселять ссыльных к инородческим обществам... смирные, трудолюбивые иркутские буряты, славившиеся искони своей честностью и не знавшие почти никаких преступлений, познакомились (сообщалось начальнику главного тюремного управления Министерства внутренних дел Российской империи. – *авт.*) и с кражами, и с более тяжкими преступными деяниями против собственности и личности» [32].

Таким образом, появившись более чем на столетие позже ссылки политической и активно развиваясь с XVII в., уголовная ссылка комплексно воздействовала на местную жизнедеятельность. Ссылаемые из центральных областей Российской империи уголовные преступники решающим образом детерминировали как состояние, так и условия развития сибирского общества, предопределив недопустимо высокий уровень его криминализации и крайне низкую степень защищенности местного населения от преступных посягательств. Благодаря специфическим особенностям пенитенциарной политики российского самодержавия уголовная ссылка стала мощным источником распространения уголовной субкультуры, заметно воздействовавшей на местное население, формируя у него пагубные стереотипы поведения и создавая в результате благоприятную среду для дальнейшего развития преступности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Исторический очерк Сибири, основанный на данных предоставляемых полным Собранием Законов и сенатским архивом. Ч. 1: Период от смерти Екатерины II до 1806 г. СПб., 1889. С. 215.
2. Анучин Е.Н. Материалы для уголовной статистики России. Исследования о процентах ссылаемых в Сибирь. Тобольск, 1866. С. 9, 16.
3. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.Е. Ссылка // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 61. С. 384.
4. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее жителей. Харьков, 1889. С. 194.
5. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 25. Оп. 6. Д. 116. Л. 1.
6. Там же. Ф. 25. Оп. 6. Д. 116. Л. 1.
7. Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2846. Л. 48.

8. Там же. Ф. 32. Оп. 34. Д. 18. Л. 10.
9. Там же. Ф. 25. Оп. 6. Д. 116. Л. 1.
10. Государственный архив Читинской области (далее – ГАЧО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 296. Л. 2.
11. Дамешек И.Л. Окраинная политика России в первой половине XIX в. (на примере Восточной Сибири): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998. С. 118.
12. Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. Из личных наблюдений во время поездки в новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь. СПб., 1899. С. 7, 8, 9, 12, 13, 163.
13. История Сибири. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма / под ред. А.П. Окладникова. Л., 1968. С. 60; Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири конца XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири XVIII начала XX вв. Новосибирск, 1975. С. 229, 231.
14. Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень / авт.-сост. А.А. Сысоев. Иркутск, 2013. С. 13, 276.
15. Литовицын А. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 42. С. 28.
16. Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири XVIII начала XX вв. Новосибирск, 1975. С. 223.
17. Максимов С.В. Каторга Империи. М., 2002. С. 228.
18. Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления // Прутченко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 г. в строе управления русского государства. СПб., 1899. Прил. 1. С. 5, 6.
19. Пежемский П.И., Кротов В.А. Иркутская летопись / с предисл., добавл. и примеч. И.И. Серебряникова. Иркутск, 1911. С. 151.
20. Побег от сельской стражи // Вестник полиции. 1908. № 6. С. 8.
21. ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 1. № 105, 348.
22. Там же. Т. 13. № 10086.
23. Там же. Т. 15. № 11116.
24. Там же. Т. 32. № 25170.
25. Разбойник Алифанов // Сибирский архив. 1912. № 4. С. 264.
26. Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. Иркутск, 1914. С. 141.
27. Рубцов С.Н., Сысоев А.А. Уголовный сыск российской полиции Восточной Сибири: монография. 2-е изд. испр., доп. Красноярск: Институт естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального университета, 2007. С. 33.
28. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 1. Иркутск, 1884. С. 107.

29. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь ее современное состояние и ее нужды: сб. статей / под ред. С. Мельника. СПб., 1908. С. 201, 210, 222.
30. Слово Архиепископа Серафима о необходимости борьбы с пьянством // Иркутские губернские ведомости. 1912. № 5578. С. 1.
31. Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1900. № 1509.
32. Соломон А.П. Ссылка в Сибири. Очерк ее истории и современного положения для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900. С. 29, 30, 131, 301, 381.
33. Статистика в вопросах ссылки и переселенческом // Иркутские губернские ведомости. 1890. № 11. С. 5.
34. Сукачев В.П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891. С. 148.
35. Сысоев А.А. Уголовный сыск Восточной Сибири в 1730–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. С. 52.
36. Устав о земских повинностях // СЗРИ. СПб., 1857. Т. 4. № 186.
37. Фельдман Г. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния. М., 1893. С. 157.
38. Часть официальная // Иркутские губернские ведомости. 1914. № 5753. С. 1.
39. Ядринцев Н.М. Статистические материалы к истории ссылки в Сибирь. СПб., 1889. С. 349.
40. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. С. 189.